

«Дорогой Иван Алексеевич,

... В прилагаемом Кюрикулюм вите дан список моих всевозможных научных и литературных работ. Наиболее серьезной из них я считаю «Периодические системы строения вещества», написанные еще в Шлиссельбургской крепости, потому что изложенная там теория строения атомов (детали которой в некоторых случаях я сам считаю теперь устаревшими) оправдалась уже в общих чертах всеми позднейшими экспериментальными исследованиями. Не надо забывать, что она была написана еще в конце XIX века, когда взгляды Менделеева об абсолютной неразложимости атомов считались чем-то вроде аксиомы среди русских ученых, и что выработанная в уединении крепости моя теория предусматривала: 1) существование безвалентных элементов; 2) разложимость атомов на гелий и остаточные компоненты, вроде электронов; 3) существование изотопов у каждого тяжелого атома; 4) существование предельной нормы оводненных растворимых кристаллов и 5) необходимость принимать в расчет, кроме добываемых опытным путем чисел для атомных весов, еще идеальные числа, лежащие в их основе и возрастающие на ту же самую величину от атома к атому. Эти числа и найдены теперь экспериментально исследованием посредством дифракции рентгеновых лучей в кристаллах и называются порядковыми числами атомов. Не трудно видеть, что эти порядковые числа вытекают из основы сложения атомов из первичных компонентов Z и X моих схем, и они представлены на стр. 162 под названием идеальные веса архонгелидов на таблице («Вся их разница с даваемыми Содди и Рамзаем в том, что они берут единицей меры вдвое большую величину, чем у меня, а это все равно». — *Прим. Н. А. Морозова*), где также даны и изотопы (т. е. элементы с теми же химическими свойствами, но на четыре весовые единицы менее нормальных) ...»¹⁵

В заключение отметим черты, характеризующие научное творчество Морозова.

В период ярко выраженного процесса дифференциации наук Морозов выступал за интеграцию естественнонаучных знаний, за взаимодействие наук и разработку тех проблем, которые находились в пограничных областях.

Работы Морозова появились тогда, когда физики и химики уже стали отходить от традиционных представлений XIX в., но не дошли еще до современных теорий. Это был сложный процесс, когда истина рождалась нередко на ошибках и противоречиях.

Далеко не все бесспорно в рассуждениях Морозова. Нередко мешали пониманию новых идей и архаичные термины и понятия, которыми так изобилуют работы Морозова. Но какую бы книгу или статью Морозова мы ни читали, всегда в ней присутствует оригинальная мысль талантливого ученого-энциклопедиста, сыгравшего большую роль в истории отечественного естествознания.

N. A. MOROZOV'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF CHEMISTRY

Уч. I. SOLOV'EV

The significance of the works by N. A. Morozov dealing with the doctrine of the complex structure of atom and chemical ties, and with the forecasting the existence of a group of chemical elements is analysed.

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 474, оп. 3, № 534.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВРАЧА

Е. Ф. ТАМБИЕВА

Замечательные черты облика Николая Александровича Морозова — его исключительная доброжелательность, разносторонняя культура — известны из многих книг и статей о нем. Я же хочу в кратких заметках рассказать о своих впечатлениях о Н. А. Морозове, вынесенных из повседневного общения в течение нескольких месяцев.

В 1946 г. Н. А. Морозов отдыхал в подмосковном санатории «Барвиха». Здесь он обычно проводил осенние и зимние месяцы, весной и летом он жил в своем родном Борке, на Ярославщине. В тот год мне (тогда участковому врачу) предложили быть личным врачом Николая Александровича и я была бесконечно рада: ведь предстояло общение с одним из интереснейших людей нашей эпохи.

В «Барвихе» Николай Александрович и его супруга Ксения Алексеевна встретили меня приветливо, по-дружески, будто старого знакомого. Запомнились добрая морозовская улыбка, ясный взгляд, мягкий, тихий голос. Николай Александрович говорил тогда не о себе, не о своих недугах, а с увлечением рассказывал о Борке, о Волге, о предстоящей поездке в родные места.

Здоровье Николая Александровича не внушало серьезных опасений, практически он был здоров, если не считать некоторых симптомов, обычно свойственных столь пожилым людям. Исключительно интересной была поездка в Борок на теплоходе. Николай Александрович не переставал, будто впервые видел, восхищаться Волгой, живописными берегами, с увлечением рассказывал о городах и деревнях. Вызывала удивление исключительная память Николая Александровича, его обширные знания природы этих мест и различных исторических фактов, о которых не прочтешь, пожалуй, ни в каких книгах...

В Борки мы прибыли к вечернему чаю. В уютной столовой нас ожидал кипящий самовар. Было заметно, что от путешествия Николай Александрович устал, говорил мало. Однако чувствовалась его удовлетворенность обстановкой любимого дома, где все ему дорого, близко.

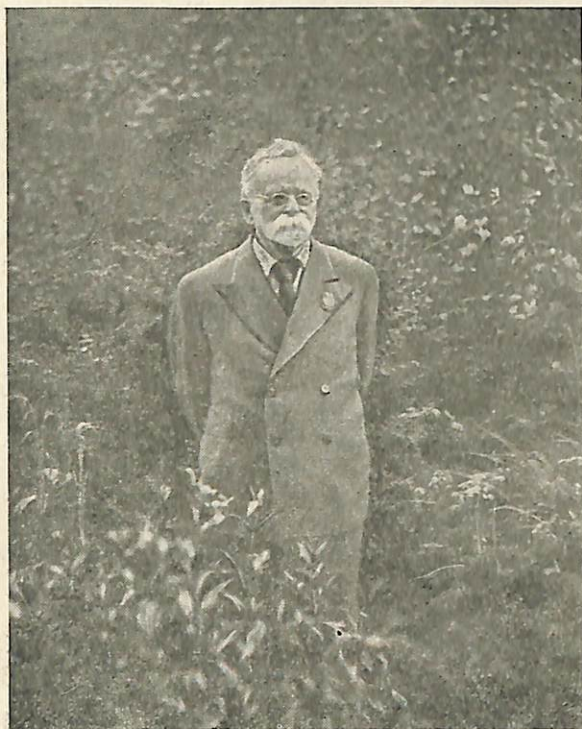
Мне был выделен бывший кабинет Николая Александровича и в этом доме мне довелось прожить некоторое время, ближе познакомиться с жизнью семьи Морозова.

Большое удовольствие Николаю Александровичу доставляло общение с людьми, как со старыми друзьями (у него их было много), так и с новыми знакомыми. Он не мыслил себя вне общества. Много гостей приезжало к Николаю Александровичу в годы войны. Это были видные деятели науки, культуры, близкие знакомые. За обеденным столом обычно шли интереснейшие, оживленные беседы о литературе, искусстве, науке, о текущих событиях. В них участвовали академики Тарле, Орбели, Шмидт, профессора Ланг, Вольфович, артист Качалов и др. Затем гости и хозяева направлялись в центр приусадебного парка — к месту, где была захоронена любимая лошадь отца Морозова. Вечером в большой зале музицировали — Ксения Алексеевна, гости, в частности семья академика В. Л. Комарова, Качалов декламировал.

К Николаю Александровичу часто приходили крестьяне из окрестных деревень. Они делились своими мыслями, просили совета. В знак большого внимания к Николаю Александровичу они обычно приносили с собой ягоды, грибы, букеты полевых цветов. В разговоре Николай Александрович оживлялся, одаривал их подарками. Нередко он просил меня осмотреть заболевшего, посетить его на дому, помочь с лекарством. Его посещали студенты-биологи, проходившие недалеке практику, школьники из ближайшего пионерского лагеря. Эти беседы его не утомляли, он со всеми находил общий язык, гости же встречи с Николаем Александровичем считали для себя праздником. К нему часто обращались совсем ему неизвестные люди из других городов — за науч-

ным или житейским советом, а порой и за материальной помощью. Помню, как он помогал ленинградцам, перенесшим блокаду. Николай Александрович всегда принимал участие в судьбах людей. Его сердце билось для всех. Делая людям добро, он сам получал от этого самое большое удовольствие, главную радость жизни.

Много воспоминаний сохранилось о Николае Александровиче как о большом ученом и писателе. Прежний его личный врач М. Г. Астапенко (ныне заслуженный деятель

Н. А. Морозов. Публикуется впервые

основном вела домашнее хозяйство, освобождая Николая Александровича и Ксению Алексеевну от повседневных забот. Николай Александрович в шутку говорил: «Без Катись — никуда не укатись».

В бывшем рабочем кабинете Николая Александровича, который был мне предоставлен, хранились его книги, личная библиотека, много рукописей. На одном листе была такая фраза: «Да, Николай Александрович, если камень падает на кувшин — горе кувшину, если кувшин падает на камень — тоже горе кувшину». Далее следовала подпись: «Л. Толстой». К чему это относилось, я не знаю. Там же в комнате висел старый портрет. Я заинтересовалась, чей это портрет? Николай Александрович ответил: «Это шлиссельбургская пленница Вера Фигнер».

В этой же комнате были репинские портреты Морозова. Дружба знаменитого ученого и великого художника продолжалась много лет. Известно, например, что первой своей высокой награды на международной выставке в Риме Репин был удостоен за портрет Н. А. Морозова.

По совету врача М. Г. Астапенко Николай Александрович в строго определенное время отправлялся на прогулку. Слегка опираясь на трость, он в любую погоду, в любое время года проходил пять—шесть километров по установленному маршруту. Обычно ходил один, иногда делал остановки, отдыхая на любимом пне, всматриваясь в открытое поле, в небо. Прогулки, как говорил Николай Александрович, были для него самым большим наслаждением: он дышал лесным воздухом, а главное много думал. Он регулярно выполнял физкультурный комплекс, установленный им самим, как он говорил, еще в годы тюремного заключения; соблюдал точное время питания, отдыха, чтения книг, газет, разбора своей обширной корреспонденции. Так было во все предшествующие

науки РСФСР, профессор Института ревматизма Академии медицинских наук СССР) была свидетелем такого эпизода: гидро-технические и геодезисты рассчитали, что при сооружении водохранилища морозовская усадьба будет залита водой. Изучив местность, Морозов опроверг их расчеты и, пройдя от усадьбы километров пять, показал точку, до которой, по его мнению, дойдет вода. Так оно и оказалось...

Николай Александрович очень любил свою жену. Он посвятил ей много стихотворений. В одном из них он называет ее «былинкой мироздания», а в другом пишет: «Жизнь, дай ей радости, а горести дай мне». Вскоре после женитьбы Николай Александрович посадил березовую рощу, она разрослась — он назвал ее «Ксенина роща». Ксения Алексеевна отвечала ему большой нежностью, исключительным вниманием, заботой. Членом морозовской семьи была и их приемная дочь Катя — художница; она в

Н. А. Морозов на прогулке.

годы, но в последние месяцы жизни Николай Александрович несколько отступил от этих строгих правил.

В последние недели жизни его общий тонус несколько ослаб. Николай Александрович сократил длительность своих ежедневных прогулок, меньше сидел за письменным столом. Несколько усилилась его глухота (он мог слышать только громкую речь). Николай Александрович был оптимистом, никогда не жаловался на нездоровье, избегал лекарей и врачебного режима (обычно называл режим «прижимом»), по-прежнему весьма живо интересовался текущими событиями, много читал, вел обширную переписку, его не оставляло чувство юмора.

Ухудшение здоровья Николая Александровича наступило внезапно при полном сознании. Он хорошо осознавал свое тяжелое положение.

...Николай Александрович Морозов прожил большую жизнь, которую можно измерить не только временем. Он был ученым, поэтом, революционером, но прежде всего замечательным человеком.